

Цена 40 коп.
«В МИРЕ КНИГ»
1989, № 3, 1-й кв.
«КНИЖНАЯ ПАЛАТА»
ИНДЕКС 70110

IN ORBE
LIBRORVM

3 М. П. Мусоргскому — 150 лет.
О подготовке 30-томного
Полного академического
собрания сочинений композитора
— материал «К новым берегам!»

ISSN 0321—0561

В МИРЕ КНИГ

РИ СИЛУЭТА»

В «Писательской приемной»
Николай Самвелян рассказывает
о встрече с Виктором НЕКРАСОВЫМ.

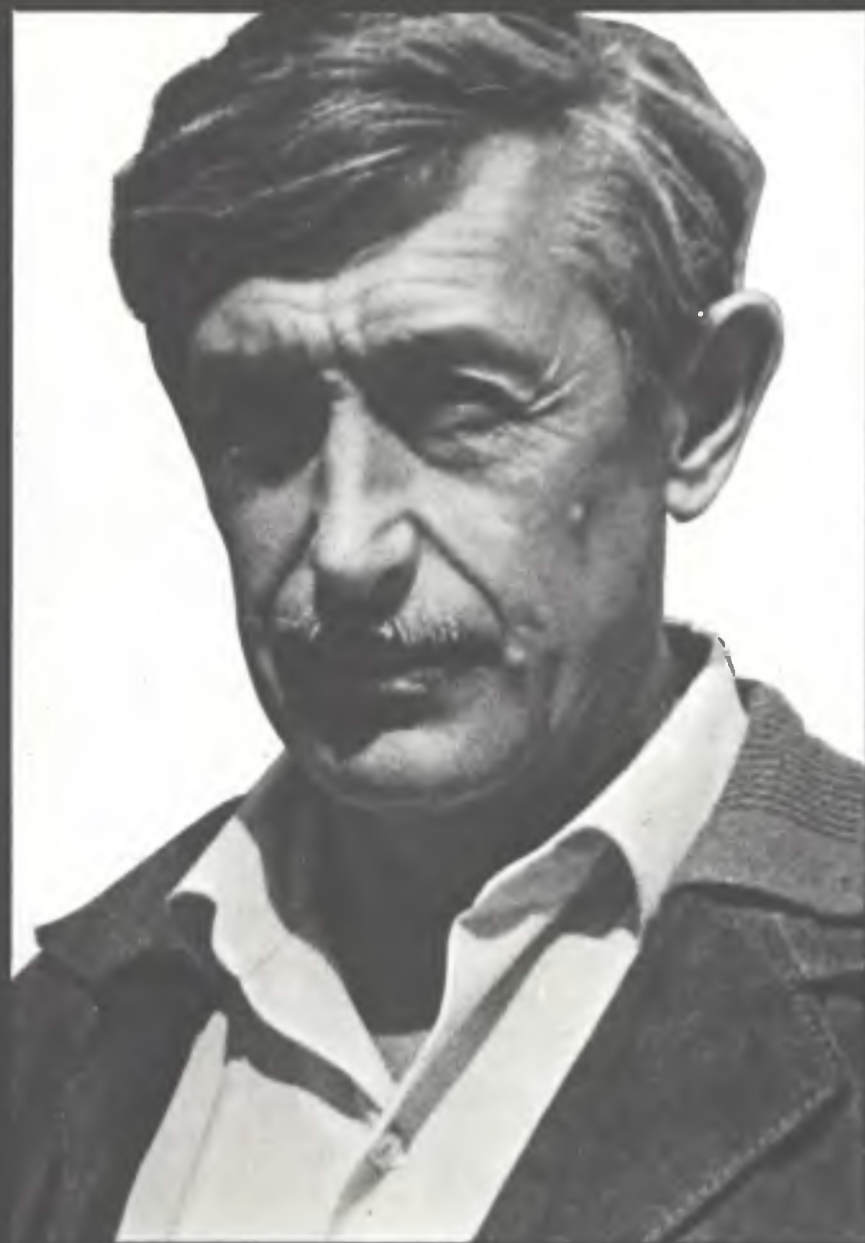

Фото Н. КОЧНЕВА

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

В МИРЕ КНИГ

Ежемесячный журнал
Государственных комитетов
СССР и РСФСР по делам
издательств, полиграфии
и книжной торговли

Издается с 1936 года

Редакционная коллегия
Д. С. БИСТИ
В. И. ДЕСЯТЕРИК
Е. П. ВГОРУНИНА
В. Н. ЗВЯГИН
Н. П. КАРЦОВ
И. П. КОРОВКИН
А. В. КОЧЕТОВ
(зам. главного редактора)
В. Ф. КРАВЧЕНКО
В. С. МОЛДАВАН
В. В. ПЕРФИЛЬЕВ
(зам. главного редактора)
А. И. ПУЗИКОВ
С. В. САРТАКОВ
Н. В. ТРОПКИН
В. С. ХЕЛЕМЕНДИК
Ю. П. ЧЕРНЕЛЕВСКИЙ

Главный художник
Г. Ю. КОРНЫШЕВ
Художественно-
технический редактор
Е. М. Верба
Технический редактор
Н. Н. Козлова

Москва

© Издательство «Книжная
палата»
журнал «В мире книг», 1989
АДРЕС РЕДАКЦИИ:
129272, Москва,
Сушевский вал, 64

ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК:
281-50-98

Сдано в набор 30.12.88
Подписано в печать 2.02.89
A03152
Формат 84×108 1/16
Физ. печ. л. 5,00+0,50+0,25
Усл. печ. л. 8,4+0,84+0,42
Уч.-изд. л. 12,55+0,98 вклейка
Усл. кр.-отт. 21,42
Печать глубокая и офсетная.
Тираж 151 000. Заказ 2922
Ордена Трудового Красного
Знамени Калининский
полиграфкомбинат
Союзполиграфпрома
при Госкомиздате СССР.
170024, г. Калинин,
проспект Ленина, 5

Содержание

ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО. ОБЩЕСТВО

ИНТЕРВЬЮ ПО ПОВОДУ <i>Л. Сидельников.</i> К новым берегам	2
ВСЛЕД ЗА СОБЫТИЕМ <i>А. Бедеров</i> «Неактуальный» юбилей Уровень счастья людей (Стенографический отчет о XIX партконференции)	4 10
ПИСАТЕЛЬСКАЯ ПРИЕМНАЯ <i>Н. Самвелян.</i> Силуэты	6
ЧИТАТЕЛЬ — ЖУРНАЛ — ЧИТАТЕЛЬ <i>Л. Ханбеков.</i> Диалог на равных	11
<i>Н. Загальская.</i> В издательстве «Искусство» выходит...	25, 29, 67, 74, 80, 87
ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ (Русский поэтический авангард) <i>П. Филонов.</i> Стихи <i>Ю. П. Мазурин.</i> Стихи	15 17
ЧТО ИМЕЕМ? КАК ХРАНИМ? <i>Ю. Безъязычная.</i> Одолеет дух добра	22
АНТОЛОГИЯ КНИЖНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ <i>А. Севастьянов.</i> Цветная иллюстрация	30
АНОНС «Доднесь тяготеет» (З. Веселая. 7—35)	51
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ <i>В. Дружинин.</i> Два портрета	70

ДЕЛОВАЯ ТЕТРАДЬ

ЭКСКУРСИЯ <i>О. Шкабельникова.</i> Книга-пальма и книга-компьютер	19
ЗАБОТЫ ПРОФЕССИОНАЛОВ <i>В. Карцев.</i> Убытки «под зонтиком»	26
ДАЙДЖЕСТ: В ЗЕРКАЛЕ ПРЕССЫ <i>С. Пузанов.</i> Законно! Выгодно! Удобно?	66

ЗА РУБЕЖОМ

ЭКСПЕРИМЕНТ Кто есть кто в зарубежной рок-музыке (Энциклопедия журнала «В мире книг»)	41
«ЖИЛ» В МИРЕ КНИГ <i>Ю. Комов.</i> Синдикат	57
ФАНТАСТИКА <i>А. Бестер.</i> Убийственный Фаренгейт	83

ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ, ДНЕВНИКАХ, ДОКУМЕНТАХ Записки императрицы Екатерины Второй (Окончание)	75
ЧИТАЛЬНЯ КОТА БЕГЕМОТА	68
ЧТО? ГДЕ? КОГДА?	81

НА ОБЛОЖКЕ:
В. Плейденурф. Вид Нюрнберга. Раскрашенная ксилография. (Фрагмент)

Во всех случаях обивружения полиграфического брва в экземплярах журнала
обращаться на Калининский полиграфкомбинат по адресу, уквзанию в выходных
сведениях.
Всеми вопросами подписки и доставки занимаются предприятия «Союзпечати».

Cabaret Voltaire Кабаре Вольтер

Английский ансамбль. Основан в 1974 году.

Основной состав: Chris Watson (до 1981 года) — гитара, клавишные, духовые, вокал, Stephen Mallinder — гитара, клавишные, духовые, вокал, Richard H. Kirk — гитара, клавишные, духовые, вокал.

Эту английскую группу основал в Шеффилде (Sheffield) Крис Уотсон. Одним из первых среди английских ансамблей нью-вайво-рока этот коллектив начал экспериментировать с компьютерными системами, добиваясь нового, необычного звучания. На разработку оригинальной стилистической концепции ушло четыре года, и дебютный мини-альбом «Кабаре Вольтер» появился лишь в 1978-м («Extended Play»). Пластика отличалась крайне сложным построением как вокальных, так и инструментальных партий с мощным акцентом на ритм-секции. Наиболее удачной получилась интерпретация композиции Лу Рида (Lou Reed) «Here She Comes Now». На первом диске ансамбля, «Mix-Up» (1979), чисто студийных электронных эффектов значительно меньше, и тем сильнее впечатление от виртуозной игры музыкантов на традиционных инструментах, включая флейту. Здесь тоже привлекает внимание прежде всего обработка заимствованной песни — «No Escape» группы «The Seeds». Альбом «Voice Of America» (1980) был издан не только в Англии, но и в США. Его композиции, особенно заглавная — «The Voice Of America/Damage Is Done», — имеют острую социально-политическую направленность. В том же году коллектив, прежде работавший главным образом в студии, продемонстрировал и свои большие сценические возможности, выпустив концертный диск «Live At The YMCA 27-10-79». Немалый интерес вызвали и экспериментальные записи «Кабаре Вольтер» 1974—1976 годов, изданные в 1980-м на компакт-кассете. Год спустя, после окончания работы над звуковой дорожкой (soundtrack) к фильму «Johnny YesNo» (режиссер — Peter Care), группу покинул Крис Уотсон. Его уход заметно отразился на стилистике дальнейшего творчества ансамбля. В композициях двойного мини-альбома «2x45» и концерт-

ного «Hai! Live In Japan», записанного в Японии, преобладают акустические инструменты, активно использованы саксофон, кларнет. Лучшим произведением «Кабаре Вольтер» критика назвала диск «The Crackdown» (1983), записанный на фирме «Some Bizzare Records» и свидетельствующий о тяготении музыкантов к фанк-року. Большой успех имел и следующий альбом, «Micro-Phonies» (1984), особенно две его песни — «Sensoria» и «James Brown». К этому времени Ричард и Стивен, параллельно с совместной работой, выпускают сольные диски и компакт-кассеты. В 1984-м вышел двойной альбом Кёрка «Time High Fiction», создававшийся им в одиночку методом наложения в течение трех лет. В том же году появился видеофильм с участием «Кабаре Вольтер», звуковая дорожка к которому составила материал двойного мини-альбома «Drinking Gasoline». Четыре вошедших в него композиции представляют собой блестящие образцы стиля электро-фанк в жестком варианте. В начале 1986-го музыканты объявили, что временно прекращают совместную деятельность.

Дискография: Extended Play (1978, Rough Trade Rec., EP); «Mix-Up» (1979, Rough Trade); Voice Of America (1980, Rough Trade); Live At The YMCA 27-10-79 (1980, Rough Trade); Three Mantras (1980, Rough Trade, EP); 1974—1976 (1980, Industrial Rec., tape); 3 Crepuscule Tracks (1981, Rough Trade); Red Mecca (1981, Rough Trade); Live At The Lyceum (1981, Rough Trade, live, tape); 2x45 (1982, Rough Trade, 2EP); Hai! Live In Japan (1982, Rough Trade, live); Live In Sheffield 19 Jan 82 (1982, Paradox Rec., live); как группа «The Pressure Company»; The Crackdown (1983, Some Bizzare — Virgin Rec.); Johnny YesNo (1983, Doublevision Rec., soundtrack); Micro-Phonies (1984, Some Bizzare — Virgin Rec.); Drinking Gasoline (1985, Some Bizzare — Virgin Rec. — U. K., Caroline Rec. — U. S.; 2EP); The Arm Of The Lord (1985, Some Bizzare — Virgin Rec. — U. K., Caroline Rec. — U. S.); Ричард Кёрк, соло: Disposable Half-Truths (1980, Industrial Rec., tape); Time High Fiction (1984, Doublevision Rec., 2LP); Стивен Мэллиндер, соло: Pow-Wow (1982, Fetish Rec., EP); Pow-Wow Plus (1985, Doublevision Rec., EP).

Cactus Кэктес

Американский ансамбль. 1969—1973.

Начальный состав: Rusty Day — вокал, гармоника, Jim (James) McCarty — гитара, Tim Bogert (14.VIII.1944) — бас-гитара, вокал, Carmine Appice (15.XII.1944) — ударные, вокал.

Группу в конце 1969 года основали Богерт и Эппис из распавшегося ансамбля «Vanilla Fudge». Дэй и МакКарти начинали музыкальную карьеру в группе «Mitch Ryder and The Detroit Wheels», затем Дэй перешел в ансамбль Теда Наджента (Ted Nugent) «The Amboy Dukes», а МакКарти (не путать с ударником «The Yardbirds», «Renaissance», «Illusion» и с певцом и гитаристом «Shoot» и «Rockets») примкнул к аккомпанирующему коллективу Бадди Майлса («The Buddy Miles Express»). В первоначальном составе «Кэктес» подавал большие надежды как восходящая звезда жесткого варианта блюз-рока и хард-энд-хэви, однако настоящего творческого взлета не последовало. После выхода третьего альбома Дэй и МакКарти покинули группу, их места заняли вокалист Peter French (экс-«Atomic Rooster») и гитарист Werner Fritzschings. Затем к ансамблю присоединился Duane Hitchings (клавишные, вокал). Четвертый диск «Кэктес» представлял собой неудачную стилизацию под произведения «Deep Purple». Не дожидаясь выхода пластинки в свет, ушли Богерт и Эппис (основали трио «Beck, Bogert & Appice»), и группа фактически распалась. Хитчингс, однако, решил попытаться возродить ее, набрав в 1973 году новый состав: Mike Pinera (гитара, вокал, экс-«The Ramatam»), Roland Robins (бас-гитара, вокал) и Jerry Norris (ударные, вокал). Коллектив принял название «The New Cactus Band» и выпустил диск «Sop Of Cactus» (1973), в композициях которого соседствовали элементы хард-рока и коммерческой поп-музыки, однако их гармоничного синтеза добиться не удалось. В конце того же года «Нью Кэктес Бэнд» прекратил существование.

Дискография: Cactus (1970, Atlantic Rec.); One Way... Or Another (1971, Atlantic); Restrictions (1972, Atlantic); 'Ot'n'Sweaty (Hot'n'Nasty) (1972, Atlantic).

АНОНС

Дождь тяготеет.
М.: Советский писатель.
1989.

Заяра Веселая — дочь писателя Артема Веселого. Он был расстрелян в грядущий восьмой. В сорок девятым году ее, студентку московского института, наряду с другими подросшими к тому времени детьми «арагов народа» арестовали и приговорили к пяти годам ссылки по статье 7-35 как «социально-опасный элемент».

На фоне длительных лагерных сроков ссылка представлялась благоприятным исходом. Но прежде чем бывшую студентку освободили из-под канной и переселили под гласный надзор спецкомендатуры, ей довелось пройти тот же путь, что и приговоренным к лагерю.

Заяра Веселая — одна из авторов составленного мною сборника «Дождь тяготеет». (По большей ее воспоминания будут опубликованы отдельной книгой издательством «Московский рабочий».)

Сборник в ближайшее время выходит в издательстве «Советский писатель». В нем — воспоминания, письма, стихи женщины — «политических» узниц сталинских лагерей. Публикация фрагментов из этой книги в мартовском, традиционно праздничном, номере журнала могла бы показаться неуместной, ибо ничего общего с поздравлением «матерям и подругам» не имеет. Но что поделавшись, если без женщины, наорывавшихся на арестивала, интервьюируемых своих детей в ясельных бараках, навсегда лишенных возможности их иметь, как ни горько, не вырисовывается «портрет современницы».

Мы свыклись с тем, что острые, непривычные для нашего воспитания вещи не выносятся в свет в книжных издательствах, пока не пройдут «обкатку» в журналах. И вот «Советский писатель» ломая эту практику, выпускает сборник, почти целиком состоящий из неопубликованных произведений. Двадцать три автора — и чуть не вся география ГУЛАГА!

В настоящее время в издательстве готовятся 2-й и 3-й выпуски сборника «Дождь тяготеет». Составитель обращается к бывшим заключенным сталинских лагерей, а также к тем, кто опаранил их рукописи, с просьбой присылать материалы по адресу: 121069, Москва, ул. Воровского, д. 11, «Советский писатель», редакция русской прозы.

Кстати, о названии сборника. Его смысл проясняют слова Салтыкова-Щедрина, взятые в качестве эпиграфа: «Люди позднейшего времени скажут мне, что все это было и бывшем порок и что, стало быть, вспоминать об этом не особенно полезно. Знаю я и сам, что фантуз эти были действительно пороки бывшем; но почему же, однако, они и до сих пор так ирро выступают перед глазами и в времени до времени? Не потому ли, что кроме фантуза, в этом трагическом прошлом было нечто еще, что далеко не порок бывшем, а продолжает и до сих пор тяготеть над жизнью?»

Семен ВИЛЕНСКИЙ

Заяра Веселая, 1949 г.

7-35

Заяра ВЕСЕЛАЯ

Артем
Веселый
с семьей,
1927 г.

АРЕСТ

В 49-м году я училась на втором курсе московского городского пединститута, старшая сестра Гайры заканчивала университет. В апреле она защитила диплом, на ближайшую субботу мы позвали друзей, чтобы отметить это событие.

Последнее время — после того, как арестовали маму — мы с сестрой жили вдвоем. У нас была комната в коммуналке на Арбате, то есть на пересечении всех тогдашних путей, поэтому редкий вечер кто-нибудь к нам не зайдет. Бывало, в одиннадцатом часу звонок из автомат: «Мы тут с Валей и Милой — ты их не знаешь — не попали на последний сеанс в Повторный. Можно сейчас к вам?» — «Конечно!»

Подруги, приятели и их знакомые — в основном, студенты — приходили повидаться, почитать или послушать стихи, обменяться книгами, покрутить патефон (любимейшие пластинки — «Песня Сольвейг» и полонез Огинского «Прощание с родиной» — заводились по несколько раз подряд).

По московской традиции гостям непременно подавался чай, хотя к чаю обычно не было ничего, кроме хлеба, если не принесет чего-нибудь вкусного Минка — моя однокурсница и самая близкая подруга. Родители разрешали ей тратить стипендию по своему усмотрению; мы же с сестрой жили только на стипендию, то есть впроголодь.

Но в ту пятницу, затеяв званый вечер, мы закупили в досталь колбасы, сыру и печенья с конфетами, поставили на стол пару бутылок вина (благо, незадолго перед тем разбогатели — свезли в комиссионку швейную машину).

Вечер удался — не хотелось расходиться. Но метро работало только до 12-ти, поэтому почти всем гостям ближе к полуночи пришлось распрощаться. Остались те, кто жил поблизости: Минка, приятель со школьных лет Олег и студент Института международных отношений Дима, нам до того дня незнакомый; пришел с одной из моих подруг да и засиделся себе на беду.

Впятером расположились мы с краю раздвинутого стола, пили остывший чай, за каким-то увлекательным разговором позабыв о времени.

Неожиданно раздался стук в наружную дверь. На часах было четверть третьего. Мы с Гайрой переглянулись, я пошла открывать.

В комнату вернулась в сопровождении офицера МГБ и нескольких парней в военном; следом вошли дворник с дворничихой — понятые.

Последовала короткая немая сцена: наши гости в замешательстве смотрели на вошедших. Красивый офицер (был он похож на Кадочникова из «Подвига разведчика») быстрым взглядом окинул комнату, после чего представился:

— Майор Потапов. — Он кивнул на разоренный стол, спросил шутливо: — Пасху справляете?

— Вот еще! — Я была уязвлена таким предположением: небось, не старухи! — Да и пасха-то ведь только в воскресенье начнется, что ему вздумалось?..

— Отмечаем защиту диплома, — сказала Гайра.
— А-в, ну что ж, дело хорошее... Кто из вас будет Веселая Заяра Артемовна?

И майор предъявил мне ордер на обыск и арест. Почему-то я не ужаснулась, лишь удивилась.

Майор велел мне собрать вещи.
— Много не бери: пару белья и... Ну, в общем, самое необходимое. Не забудь теплую кофточку, — заботливо говорил он. — Если есть, возьми деньги.

Дима побелевшими губами залопотал о том, что пришел сюда впервые и совершенно случайно. Мы с Гайрой клятвенно это подтвердили, нам от души было его жаль — надо же так влипнуть!

Олег от нас не отрекся, молча и с любопытством наблюдал за происходящим.

Минка прежде всего вытряхнула мне свой кошелек. Видя, что я роюсь в шкафу в тщетных поисках пары белья, она отошла в угол, небрежно бросила в пространство: «Отвернитесь!», сняла платье и шелковую рубашку, платье натянула на голое тело, а рубашку сунула в наволочку, в которую я — за отсутствием какого-либо саквояжа — укладывала вещи. Потом она сняла с ног капроновые чулки — крик тогдашней моды (они только-только начинали входить в обиход). Я, было, запротестовала, мол, как же ты пойдешь домой (апрель в тот год выдался холодным, по ночам бывали заморозки), но она только махнула рукой.

— Готова? — спросил майор. — Тогда прощайтесь.
В это время я вспомнила про латынь и — обрадовалась, что утром не придется сдавать зачет.

№ 12 по Кривоарбатскому переулку — типичный доходный дом начала века, шестиэтажный, облицованный по фасаду серым гранитом. Мне очень нравился наш дом. Единственным его недостатком было отсутствие лифта; наверное, строили незадолго перед первой мировой войной и лифт не успели вмонтировать в оставленное для него место: лестница висела вокруг пустой шахты.

Меня сопровождали двое, остальные, в том числе и сам майор, почему-то остались в квартире. Спускаясь с 4-го этажа, я, по привычке, взялась было рукой за перила, но один из военных молча оттолкнул меня к стене, сам пошел у перил. «Неужели они опасаются, что я брошусь в пролет?! — изумилась я. — Можно подумать: ведут пойманную шпионку. Как интере-е-е-е-е-е!»

Оказавшись между двумя конвоирами на полутемной по ночному времени лестнице, я, конечно же, не могла не отметить некоторой театральности происходящего. Сцена выглядела бы гораздо эффектнее, будь я одета полегче: демисезонное пальтишко с отвисшими карманами, еще в войну полученное по ордеру, беженский узелок в руке — все это, безусловно, разрушало образ.

Выйдя из подъезда, я оглядела переулочек: никогда не доводилось мне видеть его в столь поздний час.

У подъезда стояла черная «эмка».

...Такою же глухою ночью в прошлом году увезли маму, одиннадцать лет назад — отца.

Мои родители поженились в 1922 году, встретившись в Москве.

Мама в родном Крюкове Полтавской губернии окончила четыре класса, несколько лет проработала в детском доме — и была направлена с путевкой в московский пединститут. Срезалась на экзамене, поступила работницей на чулочную фабрику.

Отец в ту пору только что демобилизовался со службы на флоте, еще ходил в тельняшке. Он привез в Москву рукопись своей первой книги «Реки огненные», она была напечатана в 1923 году в журнале, а на следующий год — в издательстве «Молодая гвардия».

Подлинное имя отца — Николай Иванович Кочуров, литературный псевдоним — Артем Веселый.

Родители поселились на Покровке, 3. В этом доме, где раньше размещалась дешевая гостиница, два этажа были отданы под общежитие писателей и поэтов группы «Молодая гвардия» (у каждого из них была отдельная комната, а у Артема Веселого, жившего со стариками-родителями, которые приехали к нему из Самары, — даже две).

Через несколько лет отец и мать расстались. Они сохранили добрые отношения; Гайра до восьми лет воспитывалась у бабушки с дедушкой, я то и дело у них гостила. Отец, живя отдельно с новой семьей, постоянно бывал на Покровке. Я часто видела с отцом, хорошо его помню.

Новый — 1937-й — год встречали на даче в Переделкине.

Обеденный стол раздвинут и завален ворохом цветной бумаги и яркими лоскутами: мы с Гайрой и сводной сестрой Фантой мастерим елочные игрушки. Елка уже стоит в столовой, упираясь верхушкой в потолок — елку срубили (тут же, на диком еще дачном участке) отец и его младший брат Василий. Смолистый дух перешибает все другие запахи Нового года: красок, клея, мандаринов, горячих бабушкиных пирогов.

Ужинали — вчерне — на кухне, у бабушки еще топились плиты. Отец поднялся на второй этаж в свой кабинет, вернулся с несколькими коробками «Казбек» в руках.

— Все! Бросаю курить! — он открыл дверцу плиты и швырнул папиросы в огонь.

— «Казбек»?! — в ужасе закричал дядя Вася и голыми руками — мы только ахнули! — выхватил коробки из пламени.

После ужина отец прилег в своем кабинете поверх серого солдатского одеяла, мы с сестрами примостились рядом, принялись наперебой рассказывать ему о своих школьных делах (я учусь в первом классе, и школьные дела представляются мне необычайно важными).

Немного погодя, отец сказал:
— А теперь представьте себе такое...

Врезалось в память: отец говорит размеренно, как будто с листа считывает, и при этом пристально вглядывается в черноту окна, словно ему что-то видится в этой черноте:

— В походном шатре двое — хан и молодая русская полонянка. Хан угощает ее яствами и вином, она ото всего отказывается, потом внезапно говорит: «Дай хлеб». Он дает. «Дай сало». Дает. «Дай нож!» Дает нож. Она режет на доске сало и хлеб, говорит хану: «Возьми!» Хан протянул руку (отец тянет руку в сторону темного окна), как вдруг! Вдруг взмахнула полонянка ножом — и пригвоздила руку хана к доске!.. Закричал хан, вбежали его телохранители, совсем уж было схватили девушку, но она, гибкая, как змея, выскользнула из шатра, лишь ее одежда осталась у них в руках. Вокруг шатра расположилось станом бесчисленное ханское войско, а ночи горели тысячи костров... За девушкой гнались, но она — нагая, с распущенными волосами — прыгала и прыгала через костры, бежала и бежала, покуда ночная стель не скрыла ее...

Впоследствии, вспоминая рассказ отца, я думала, что это — эпизод, но вошедший в «Гуляя Волгу» — его роман о покорении Сибири Ермаком (Ермаком назван он в книге; кстати сказать, родился я мальчиком, меня, по желанию отца, нарекли бы Ермаком).

И только недавно, разбирая то, что уцелело из отцовского архива, поняла, что это — отрывок совсем из другого романа, рукопись которого была изъята при аресте отца, но — по сохранившемуся плану и довольно многочисленным наброскам — можно судить о его содержании. У этого романа было несколько вариантов названия, в том числе такие, как «Запорожцы» и «Печаль земли». Рассказанного отцом эпизода в рукописях нет, но есть строки, ему предшествующие и за ним следующие:

«Степь была залита лунным светом.

На кургане ордынцы делили добычу: седла, холсты, церковная утварь, колодки меду, кони, волю, отары овец, полоняники... Всадники ворчали и ругались, грозя уйти от хана в дружку орду.

Около Марийки заспорили два татарина.

Один потянул ее за руку к себе и сказал:

— Моя.

Другой к себе:

— Моя.

Привлеченный шумом спора и свары подошел хан и сказал:

— О, храбрцы моего племени, я дам вам много волов и коней, овец и меду, но отдайте эту девушку мне.

В толпе черных харь лицо юной полонянки блистало, как солнечный луч.

Чтобы прекратить этот спор, один из татар выхватил шашку, намереваясь зарубить девушку, но хан взмахнул спрятанным в широком рукаве епанчи ножом, и татарин упал окровавленный.

Хан забрал Марийку и увел ее к себе в шатер*.

Далее, совершенно очевидно, должна быть сцена, рассказанная нам отцом.

Сама встреча Нового года мне не запомнилась, возможно, я ее просто проспала.

Не берусь гадать, о чем думал отец, гуляя с нами по Переделкину в первый день тридцать седьмого года, но то, что он предвидел свой трагический конец — несомненно: уже вовсю шли аресты.

Летом, когда сестры вернулись из очередного путешествия с отцом на рыбацкой лодке по Волге, они рассказали, что, в отличие от предыдущих поездок, отец избегал посещать большие города, а под охраняемыми мостами проплывал, пристроившись к плотам; все это из опасения, что если его арестуют, то дочери останутся одни вдали от дома.

Отец пробыл остаток августа в Переделкине, где проводила лето его жена Людмила Иосифовна с их детьми — Левою и Волгой, и где я жила при бабушке с дедушкой.

Уже была опубликована в «Комсомольской правде» рецензия, озаглавленная: «Клеветническая книга. О романе А. Веселого «Россия, кровью умытая».

Отец предвидел арест — и готовился к нему. Часть своего архива он отвез на Покровку, видимо, полагая, что его стариков и брата, работавшего грузчиком, не тронут.

Так оно, по счастью, и произошло.

Дедушка умер во время войны, бабушка — в 48-м году. На Покровке оставались младший брат отца Василий Иванович Кочуров с женой Клавдией Алексеевной. Никто, кроме них, не знал о существовании архива; хранение бумаг осужденного врага народа считалось криминалом. Архив, уложенный в плетеную из ивовых прутьев бельевую корзину, был спрятан... под кровать.

Люди, далекие от литературы, они сохранили ценнейшие материалы: рукописи, документы, письма, фотографии, прижизненные издания произведений Артема Веселого.

В последний раз я видела отца в сентябре или октябре тридцать седьмого. Как-то вернулась из школы — следом пришел отец.

Он был молчалив и сосредоточен; неспеша разделся, несколько раз прошелся по комнате, потом сел за стол, достал из кармана и положил перед собой тоненькую книжку в бумажной обложке. Я углядела, что она — из собираемой мною серии «Книга за книгой», обрадовалась и потянулась за ней через стол, но отец прижал книжку ладонью.

— Садись и слушай... «Янко-музыкант», — начал он с печальной торжественностью.

Отец читал мне вслух, чего прежде никогда не делал: я самостоятельно читала с четырех лет. Я слушала, смаргивая слезы; горько заплакала, когда он дочитывал последнюю строку: «Над Янко шумели березы...»

Вскоре отец ушел, и тогда я не пожалела, что не побыл со мною подольше: мне не терпелось еще раз перечитать историю Янко...

В конце октября отца арестовали. Следом оказалась за решеткой, а потом получила восемь лет лагерей Людмила Иосифовна. Леву и Лялю (так в детстве звали Волгу) забрали в детдом.

Долгие годы не знали мы о судьбе отца: в Справочной на Кузнецком, 24 на наши регулярные о нем запросы отвечали одно и то же в краткой стереотипной формулировке: «Жив, работает; осужден на 10 лет без права переписки»; повторяли это — не вдаваясь в объяснения — и после того, как истек срок наказания*.

Маму арестовали в начале сорок восьмого года. После войны она работала медсестрой в поликлинике, подрабатывала уколами и как-то раз по телефону, висевшему у нас в коридоре, сказала своему пациенту, чтобы тот постарался достать американский пенициллин; он, мол, гораздо лучше нашего. Сосед услышал, донес, куда следует.

Мать обвинили в антисоветской агитации, приговорили к восьми годам лагерей.

Мама попала в Потьму. Она не была лишена права переписки, но это право ограничивалось двумя письмами в год. Кроме того, отправив ей посылку, мы в ответ получали разрешаемую открытку всего из трех слов: «Посылку получила, мама». Было нам уже и одно письмо — скупое (явно подцензурное), мол, жива-здорова, работаю на обших, спасибо за посылки. Мама беспокоилась о нас, просила писать почаще.

Посылки мы с сестрой отправляли каждый месяц, деньги на них давал большой мамин друг, что сохранялось им и нами в стражайшей тайне: был он старым большевиком, директором фабрики и сильно рисковал, помогая осужденной. Мы рассчитывали, что как только Гайра закончит университет и поступит на работу, мы полностью возьмем на себя заботу о матери.

...У подъезда стояла черная «эмка», передо мной распахнулись двери, я оказалась на заднем сидении между двумя военными.

Машина, рванув с места, помчалась по Арбату, по Воздвиженке, через Манежную площадь и, подъехав к большому зданию на площади Дзержинского, остановилась у подъезда № 3.

ЛУБЯНКА

Э то уже потом, освоившись с тюремными порядками и терминологией, я узнала, что провела ночь в боксе. А тогда подумала, что комнатуха без окна, напоминающая чулан, — одиночная камера. Маленький — типа тумбочки — столик, табуретка; кровати не было.

«Должно быть, мне бросят соломенный тюфяк. — решила я. — Подумать только, я — в тюрьме!».

Настроение было приподнятое: я ждала каких-то значительных и немедленных событий, связанных с моим загадочным арестом.

Забавляла мысль, что не соберись мы вместо субботы в пятницу — не бывать бы нашему званому вечеру; радовалась, что ночной стук не врасплох застал нас с сестрой, не спросонья, как это было при аресте мамы; запоздало удивилась, что не было обыска, подумала: «оно и лучше».

Время шло, но ничего не происходило. Первоначальное возбуждение постепенно улеглось, подступила тревога.

Пыталась строить догадки, почему меня арестовали? Мама во время свидания, данного нам перед ее отправкой в лагерь, сумела намекнуть, кто из наших квартирных соседей доносчик.

Может быть, я что-нибудь брякнула по телефону, а этот сосед подслушал — и донес? Или он меня просто оклеветал? Удастся ли оправдаться? Одно из двух: или меня взяли по ошибке — тогда разберутся и отпустят, или...

Сидела, уставившись в стенку, чувствуя, как угнетающе начинает действовать слепящий свет яркой лампы и полная — до звона в ушах — тишина.

Неожиданно — настолько неожиданно, что я не поверила ушам — послышался голос Гайры. И тут же — чье-то шипение:

— Тш-ш-ш...

Я вскочила, припала к двери.

— Тут у вас моя сестра, ее увезли ночью... очень громко

* В 1956 году, с посмертной реабилитацией отца, была названа дата его смерти — 2 декабря 1939 года.

По сведениям, полученным в 1988 году в Военной Коллегии Верховного Суда СССР, Артем Веселый расстрелян 8 апреля 1938 года.

говорила Гайра (на то и рассчитывала: я услышу и, по крайней мере буду знать, что ее тоже забрали).

— Ти-ш-ш...

— Она забыла взять с собой мыло! Можно ей передать?

— Тш-ш-ш.

Я заколотила в дверь кулаками:

— Гарка, я тут! Гарка!

— Зайка! Зайка!

Хлопнула какая-то дверь — и все стихло.

Минуту спустя — я еще прижималась к двери — ко мне влетел разъяренный толстяк с лычками на погонах. Оттеснив меня от двери и закрыв ее за собою плотно, он все равно приглушал голос:

— Ты чего разоралась?

— Там моя сестра!

— Тш-ш-ш... Нет там никого.

— Я же слышала!

— Тш-ш-ш... Будешь кричать — посажу в другое место, там ты у меня живо зажаришься (точно не помню, возможно, он сказал *замерзнешь*, но угроза была связана именно с температурой этого *другого места*, видимо, карцера).

Я вообще не храброго десятка, и тут малость струхнула, но, чтобы он об этом не догадался, набычилась, сжала зубы и не мигая смотрела ему прямо в глаза. Бросив на меня еще один грозный взгляд, толстяк ушел.

Все конечно! Раз Гайру тоже арестовали, надеяться на то, что разберутся и отпустят — глупо. Значит, есть какая-то причина?! Но каково коварство красивого майора! Выходит, он явился к нам с двумя ордерами на обыск и арест, почему бы не сказать об этом сразу, а не устраивать спектакль? То-то он остался, когда меня увезли...

...Яркая лампа под потолком горела ночь напролет. (Перед сном женщины прилаживали на глаза повязки), но мне в первый вечер свет ничуть не мешал: заснула, как только коснулась головой подушки. Не слышала, как открылась дверь (а открывалась она всегда с каким-то зловещим лягом), проснулась только тогда, когда потрясли мою кровать.

Рядом стояла надзирательница.

Фамилия? — спросила она.

Я сказала.

— Инициалы полностью.

— Что-о?

— Инициалы полностью! — нетерпеливо повторила она.

Я не могла понять, чего ей от меня надо.

— Имя-отчество, — подсказала с соседней койки Наташа.

— Заяра Артемовна.

— На вопрос.

— Ты что же это, Заяра, нарушаешь режим? — не строю, а скорее добродушно стал выговаривать мне следователь, едва я переступила порог его кабинета, и мы оглядели друг друга (был он в штатском и по виду мог бы сойти за обыкновенного служащего в каком-нибудь обыкновенном учреждении). — Колотишь в дверь, кричишь... У нас так себя вести не положено. У тебя что, мыла нет? Вот будет ларек — купишь. Садись, — он указал на стул, стоявший у стены напротив его стола.

Представившись (не помню, какой у него был чин, кажется, старший лейтенант), Мельников предупредил, что обращаясь к нему, я должна называть его не товарищ следователь, а гражданин следователь. После чего перешел с места в карьер:

— Ну?.. Признавайся в своих преступлениях.

Меня удивили не сами слова (я ждала чего-нибудь подобного, поскольку на допросе и положено спрашивать о преступлениях), удивил спокойный, какой-то будничным, без малейшей экспрессии, голос (позже я узнала от тюремных подруг, что Мельников в ту ночь произносил эти самые слова не единжды).

Пожав плечами, ответила, невольно впадая в тот же вялый тон:

— Мне не в чем признаваться.

— Подумай, — сказал Мельников. И, больше не обращая на меня внимания, принялся рыться в бумагах.

Пауза затягивалась...

Наконец следователь вышел из-за стола и протянул мне бумагу:

— Ознакомься с обвинением.

В бумаге говорилось, что как дочь врага народа Кочурова Николая Ивановича (он же — Артем Веселый) и осужденной по статье 58-10 Б Лукацкой Гиты Григорьевны я обвиняюсь по статье 7-35 (СОЭ).

Если бы не слова *враг народа* и *осужденная*, листок у меня в руках можно было бы посчитать за машинописную копию моей метрики. И это — обвинение!!

Я спросила, что за статья, и что означает СОЭ. Оказалось, что по статье 7-35* судят социально-опасный элемент, сокращенно — СОЭ.

Возвращая бумагу Мельникову, я, хмыкнув, сказала, что нелепо было бы отрицать родство с родителями.

Не помню дословно доводов следователя, но они сводились к следующему. Поскольку я, вероятно, сочувствую репрессированным родителям, у меня в этой связи могут быть («а в душу не заглянешь!» — присовокупил следователь) обиды, недовольство, словом — *антисоветские настроения*.

— Допустим, у тебя их нет, — говорил он. — Допустим. Но ведь *могут быть*? В принципе?

— И я сказала:

— В принципе — да.

— Вот видишь! А теперь сама посуди: что, если эти настроения будут использованы вражеской агентурой? Ты же должна понимать, какая сейчас сложная международная обстановка!

Про международную обстановку я понимала. Не понимала, какой от меня мог бы быть прок вражеской агентуре. Но что возразить ему, сотруднику Министерства государственной безопасности, уж он-то, конечно, лучше меня разбирается в проблемах, связанных с вражеской агентурой и социально-опасными элементами, коим в душу, и в самом деле, не заглянешь.

На Лубянке я пробыла до 23 мая — ровно месяц. Еще два или три раза водили меня на допросы, почему-то всегда среди ночи.

Следователь держался вполне корректно. Я была благодарна ему за это; радовалась, что он же, а не другой, ведет дело Гайры: в камере приходилось слышать о том, что некоторые следователи во время допросов кричат и матерятся.

Неторопливо и размеренно вел Мельников допрос, четким округлым почерком записывал в протокол свои вопросы и мои ответы.

Вопросы были однообразны: почти про каждого, кто бывал у нас в доме, он спрашивал, нет ли у того антисоветских настроений, не вел ли он соответственных разговоров.

Особо останаивался на тех, чьи родители были репрессированы:

— Нет? Но ведь у нее отец арестован... Ты вспомни, вспомни... Нет? Ну, ладно... — и снова лениво водил пером. — Протчи. Распишись.

Я была уверена, что отец не *враг народа*, читала и любила его книги, но, вопреки предположениям следователя, у меня — ни сразу после ареста отца, ни в дальнейшем не возникало враждебности не только к советской власти, но даже к органам НКВД: с детства усвоила бышую тогда в большом ходу поговорку: *лес рубят — щепки летят*. И не было сомнений в том, что лес рубить необходимо: с октябрятского возраста знала и про капиталистическое окружение, и про обострение классовой борьбы, с волнением в груди читала со сцены на школьных утренниках стихи Михалкова про пионеров, которые поймали шпиона и диверсанта. Шпионов и диверсантов надо ловить и сажать в тюрьму. А моего папу посадили по ошибке: лес рубят... И папу Иры — по ошибке, и дедушку Марины...

В камере у одной меня была 7-35. «Легкая статья», — говорили сокамерницы и уверяли, что нас с сестрой *просто вышлют* из Москвы. Радуюсь в душе, что мне не грозит, как остальным, лагерь (у всех была 58-я), в то же время испыты-

* 7 и 35 никогда не разделялись в речи, и даже в официальных бумагах писались через дефис; я полагала, что это — 35-й пункт 7-ой статьи (по аналогии с 58-10). Между тем, это статьи из двух разделов Уголовного кодекса: в 7-ой говорилось о категории лиц, в отношении которых «применяются меры социальной защиты», а в 35-й — об этих мерах.

вала я перед ними чувство вины, какое бывает у здорового перед тяжелобольными.

Ни одна из женщин в 10-й камере не была похожа на шпиона и диверсанта.

Мария Александровна, преподаватель ВУЗа, тяжело переживала разлуку с сыном-школьником, мучительно беспокоилась о нем.

У Тони, после ареста ее и мужа, остался трехлетний Геика. Родственники есть, но возмут ли? Или он уже в детдоме? Как она говорила, муж, рассказавший в компании анекдот, по доносу одного из приятелей, сел за антисоветскую агитацию, а Тоня — за недоносительство.

Самая большая трагедия была у женщины, имени которой я не помню. Ее двенадцатилетняя дочь, после ареста матери, осталась совершенно одна в Ростове-на-Дону; следователь говорил во время допроса, что девочка стала проституткой. Сокамерницы пытались утешить несчастную мать, говоря, что это невыносимо, абсолютно невозможно, что дочь, конечно же, в детдоме; женщина, уставившись в одну точку невидящим взглядом, отвечала чуть слышно: «Я тоже так думаю. Он врёт».

У Наташи не было детей, она была беременна.

В 14 лет, после ареста родителей, Наташа осталась вместе с младшим братом на попечении старшего, а по существу, на собственном попечении, узнала самую черную нужду. В начале войны ушла добровольцем на фронт, защищала Москву, потом поступила на истфак МГУ, уже заканчивала аспирантуру, и только-только вышла замуж...

И вот — очутилась на Лубянке.

Месяц пробыли мы вместе с Наташей в десятой камере — дружим до сих пор. О том, что было с нею после того, как мы расстались, она рассказала мне через несколько лет, когда мы снова встретились.

Наташа отказалась подписать протокол в сфабрикованной следователем Макаренко формулировке. Исчерпав крик и угрозы, следователь заставил Наташу встать у стены и долгими часами держал ее — уже с большим животом! — на ногах. Она теряла сознание, падала, ей давали понохать нашатырь — и снова ставили у стены. Этого протокола она так и не подписала. Приговорили ее к пяти годам ссылки в Кокчетавскую область. Беременность протекала крайне неблагоприятно, что было выявлено тюремными врачами, но Наташу, вместо того, чтобы додержать до родов в больнице, отправили в дорогу: после месяца, проведенного в тяжелейших условиях этапы, она а первый же день по прибытии к месту ссылки родила мертвого ребенка.

Еще и теперь случается иной раз слышать разговоры, что при Сталине, мол, было больше порядка; или что были лучше продукты; или что была дешёвая водка. В таких случаях мне всегда вспоминаются слова Некрасова: «Была каплея великая, да не на вашу плешь...»

НОВОСИБИРСК

...Мы гадали, как в Новосибирске произойдет наш переход из заключенных в ссыльные. Отпустят ли нас прямо с вокзала? Или же прежде отвезут в местное отделение МГБ, и уж там вернут паспорта, отобранные при аресте?..

Выгрузка проходила тем же порядком, что и погрузка: на запасных путях и по алфавиту. Было велено строиться в колонну по пять человек в ряд. Я — третья по списку — оказалась в первом ряду колонны; к женскому вагону сзади пристраивались мужчины.

Оглянувшись, я заметила возле одного из вагонов людей в серо-зеленых мундирах.

Немцы!

До этого, не считая кино, я видела немцев только однажды, в тот день, когда пленных гнали через Москву.

Немцы мгновенно построились по пять в ряд, после чего их, проведя мимо нашей колонны, поставили впереди нее.

Средний немец в последней шеренге оказался непосредственно передо мной — хоть ладошкой ему в спину упрись.

Нам объявили: шаг вправо, шаг влево — считается побег, конвой стреляет без предупреждения.

Мы двинулись — сначала вдоль путей, потом мимо каких-то складов, потом — по улицам города...

Мы медленно брели по мостовой, машины нас объезжали. Конвоиры держали автоматы наизготовку, колонну сопровождало несколько овчарок.

На тротуарах стояли люди. Не знаю, с каким выражением они на нас смотрели — я никого не видела: крепко сцепив зубы, не отрывала взгляда от серо-зеленой спины.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП

Утром по всему тюремному коридору захлопали двери: — Выходите, с вещами!

Человек сто мужчин и женщин вывели во двор; нам приказали сесть на землю.

Никто не знал, что будет дальше, строились различные предположения, чаще других звучало слово этап.

Эти толки я слушала уже отстраненно; нас они больше не касаются: мы же в Новосибирске, можно сказать, приехали, осталось получить паспорта — и за ворота!..

Ворота открылись, во двор въехали грузовики. Нам выдали по буханке хлеба и по кулечку сахарного песка (который я тут же умудрилась просыпать на землю), после чего посадили в грузовики и куда-то повезли.

Высадили нас на берегу Оби, чуть поодаль пристани.

Вместе с нами приехали конвоиры, но было их немного — человек пять-шесть — и держались они непривычно: сбившись в кучку, разговаривали между собой и, казалось, обращали на нас мало внимания. И ссыльные вели себя, словно пассажиры, ожидающие прибытия парохода: тоже сбивались в кучки, расхаживали по берегу (правда, далеко не разбредались, как будто чувствовали какую-то незримую ограду), разговаривали, курили.

Мы с Ниной и Майкой стояли в сторонке.

Я злилась на себя: «Господи, какая же дура — поверила следователю, что меня ожидает чуть ли не просто перемена места жительства (сама же кивала согласно, мол, не всем жить в Москве!). Что-то не похоже, что нам собираются отдавать паспорта и студенческие билеты... Видно, и впрямь, по пословице: попала лиса в капкан — гляди в небо...»

Не скажу, что на берегу Оби пришло ко мне внезапное прозрение и наступило, наконец, осмысление происходящего. Нет, но я уже не находила ему оправдания в формуле *так надо*.

«Неужели надо было протащить нас через четыре тюрьмы? Надо ли теперь гнать куда-то из города, назначенного нам местом ссылки? — думала я. — И что еще нас ожидает?»

Между тем к пристани подплыл пароход, началась посадка пассажиров, потом запустили и нас.

Поплыли вниз по реке.

Почему-то совсем не запомнила пристани, где нас высадили (лишь помню, что на левом берегу).

Вскоре появились грузовики. Погрузились — поехали.

Дорога была ухабистая, тянулась по плоской безлесной равнине, лишь кое-где виднелись *согры* — островки чахлах березок с болотными кочками между стволами.

Кто-то бивальный сказал, что отсюда начинаются *Васюганские болота*.

— Ссылка — что! — донесся до меня разговор двух крестьянского вида стариков. — Ссылка — не лагерь. Ты где отбывал?

— За Котласом.

— Я — на Колыме... — Вздох. — А ссылка — что!..

— Погоди еще: зашлют в колхоз, заставят за палочки работать — с голоду подохнешь. В лагере хоть кормят.

— Ну, нет! По мне, нету ничего хуже лагеря. — Вздох. — Как-нибудь прокормимся...

Постепенно в разговор втянулись другие. Все сошлись на том, что как бы тяжело ни оказалось в ссылке — хуже, чем в лагере не будет. Стали припоминать разные события лагерной жизни. Старик, отбывавший срок на Севере, рассказал о том, как, случалось, расправлялись у них с провинившимися: раздев догола, привязывали к дереву, оставляли на ночь в тайге — на съедение мошке и комарам.

Я не поверила:

— В нашем лагере?! Этого не может быть!

Старик коротко на меня глянул, усмехнулся и промолчал. Поняла, что сказанное — правда: этого не может быть, но — было

С И Н Д И К А Т

Юрий КОМОВ

